

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

Чингиз Абдуллаев

*Бежоев выхватил
спрятанный под
креслом пистолет,
очевидно прикрепленный
туда скотчем, и
выстрелил в Дронго. Но
долей секунды раньше
эксперт успел
метнуться влево и
выстрелить сам.
Полковник не смог
увернуться...*

Рождение Люцифера

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Рождение Люцифера

«PEN-клуб»

2012

Абдуллаев Ч. А.

Рождение Люцифера / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2012 — (Дронго)

Их было шестеро... Шесть человек, которых связывала общая работа и крепкая дружба. И хотя в 90-е годы их пути разошлись, каждый нашел свое место в новой жизни, обрел счастье и стабильность. Но вот спустя двадцать лет на друзей почти одновременно обрушилась череда неудач и несчастий – крах бизнеса, смерть родных и близких... Трудно поверить, что все это – случайные совпадения. Значит, чья-то злая воля? Или вмешательство темных сил? Разобраться в запутанном клубке трагических событий практически невозможно. И кто знает, чем бы все закончилось, если бы странной ситуацией не заинтересовался эксперт по особо тяжким преступлениям Дронго...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Чингиз Абдуллаев

Рождение Люцифера

*А говорил в сердце своем: «Взойду на небо, выше звезд Божьих,
вознесу престол мой и сяду на горе, в сонме Богов, на краю севера;
Взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему».
Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней.
Исайя, 14: 13 – 15*

Глава 1

Вечером к нему приехал Эдгар Вейдеманис. Обычно они устраивались на просторной кухне, где Эдгар садился на маленький диванчик, а Дронго оставался за столом, и беседовали часами. Не обязательно только о делах. Говорили об искусстве, культуре, литературе, истории. Им было просто интересно друг с другом. Подобные отношения можно назвать настоящей мужской дружбой. Вейдеманис любил кофе, а Дронго предпочитал чай. Специально для своего друга он держал на кухне кофеварку и покупал хороший кофе, которым угощал Вейдеманиса. Иногда они играли в шахматы, и Эдгар почти всегда выигрывал. Как шахматист, он был гораздо сильнее.

В этот вечер Вейдеманис приехал к семи часам вечера и сел за стол напротив хозяина, показывая этим, что речь пойдет о достаточно серьезном деле. Дронго подвинул ему кружку с кофе и приготовился слушать.

– Хочу рассказать тебе об абсолютно невероятных вещах, которые иногда происходят в нашей жизни, – начал Эдгар.

– Многообещающее начало, – усмехнулся Дронго. – Что-то произошло?

– Настолько необычные события, что я решил рассказать тебе обо всем. И даже попросить твоей помощи.

– Давай, – согласился Дронго. – Если ты говоришь о «необычных событиях», это звучит как минимум интересно.

– Ко мне приехал из Риги мой хороший знакомый – Гирт Симанис. Мы вместе учились еще в школе, сидели за одной партой. Гирт рассказал мне абсолютно невероятную историю, и не просто рассказал, а попросил моей помощи, вернее, твоей.

Дронго, не перебивая, внимательно слушал Вейдеманиса.

– Дело в том, – продолжал тот, – что его двоюродный брат Петер Кродерс, которого я тоже знал, стал предпринимателем, достаточно известным в Латвии. Он тоже учился в нашей школе и был на два года старше нас. После окончания школы Кродерс уехал в Москву и сумел поступить в Московское высшее техническое училище имени Баумана. Ты наверняка помнишь, что значило МВТУ в те годы. И он, обычный мальчик из Риги, без всякой протекции поступил в училище. В восьмидесятом году, закончив учебу, сразу попал по распределению в подмосковный «почтовый ящик», где проработал больше пяти лет. Потом перевелся в Ленинград, а еще через четыре года вернулся в Ригу, как раз во время начинавшихся событий в Прибалтике. Потом он основал свой кооператив, стал достаточно успешным предпринимателем и руководителем своей фирмы.

За разговором Эдгар даже не заметил, что его кружка уже пуста, и Дронго предложил:

– Еще налить?

– Давай, – не раздумывая, согласился Вейдеманис и продолжил свой рассказ: – Когда он работал в этом «почтовом ящике», у него было несколько друзей среди коллег, и они часто

встречались в свободное время. Тогда, в силу специфики работы, им не разрешалось фотографироваться, и первая совместная фотография была сделана много лет спустя, в девяносто седьмом, когда никто из них уже не работал в этом «почтовом ящике». Да и самих «ящиков» уже не было, как не стало и той страны, где они раньше жили.

– Они поддерживали отношения и после распада Советского Союза? – уточнил Дронго.

– Да. И поддерживают до сих пор. Четверо мужчин и две женщины встречаются почти ежегодно. Такой ритуал сложился в их группе.

– Значит, шесть человек, – сказал Дронго. – И с ними начало что-то происходить?

– Нет, с ними ничего. Они все живы и здоровы. Но вокруг них стали происходить какие-то невероятные события, словно сама судьба позавидовала такой дружбе. Сначала начались проблемы у самого Кродерса, затем погиб сын одного из его друзей. Почти разорился третий, и еще от него ушла супруга. Начались неприятности у четвертого. У одной женщины посадили сына за хранение наркотиков, хотя до этого он никогда в жизни их не употреблял и не был замечен в их продаже. У мужа второй отобрали лицензию. Можно сказать, что в жизни бывают и не такие неприятности и с каждым может произойти что-нибудь подобное. Но неожиданно Гирт узнает, что землю, которую должен был приобрести его двоюродный брат, купила какая-то фирма-посредник. Причем купила, перебив цену, предложенную Кродерсом, почти в два раза и сделав все, чтобы эта земля ему не досталась.

– Проклятый капитализм, – усмехнулся Дронго. – Выигрывает тот, кто предлагает большую цену.

– Нет, это явно не тот случай.

– Почему? Обычная спекуляция или нечто иное?

– Необычная, – пояснил Вейдеманис, – поэтому и показалась Гирту такой странной. Фирма, перекупившая землю и не позволившая Петеру Кродерсу взять ее по номинальной цене, продала ее почти сразу за сорок процентов от цены, за которую приобрела ее. И сразу закрылась. Ты когда-нибудь слышал, чтобы фирма, едва зарегистрировавшись с капиталом в пять тысяч латов, покупала землю, переплачивая в два раза больше номинала, а потом продавала ее по более низкой цене и немедленно закрывалась? Получается, что это либо клинические идиоты, либо безумные бизнесмены.

– Может, изменилась конъюнктура или упали цены? – предположил Дронго.

– Ничего подобного. Цены не менялись, землю продали через две недели после покупки. И фирма сразу закрылась. То есть получается, что сама фирма была создана только для того, чтобы не допустить покупки Кродерсом земли.

– Ты не допускаешь обычного совпадения?

– Допускаю. Но я уже говорил, что у каждого из этой шестерки произошли какие-то невероятные события в жизни. Кродерс рассказал об этом своему двоюродному брату. А Гирт работал много лет в министерстве юстиции Латвии, он юрист по образованию, и ему стало просто интересно провести своеобразное расследование. Он решил для начала проверить, почему отобрали лицензию у мужа знакомой его двоюродного брата, – кстати, Гирт – руководитель довольно преуспевающей адвокатской конторы в Риге, – и он убедился, что лицензию отобрали незаконно, подделав документы. Сейчас подана апелляция в суд на решение комиссии. И до сих пор не найдены ни машина, ни водитель, виновный в гибели сына одного из друзей Кродерса. Подряд три совпадения. Гирту все это показалось достаточно странным, и он решил обо всем рассказать мне, чтобы я посоветовался с тобой. В Латвии тебя неплохо знают, тем более Гирт, который прекрасно осведомлен, что мы с тобой уже много лет дружим и являемся напарниками. Он не мог долго оставаться в Москве, у него свои дела в Риге, но попросил меня рассказать тебе обо всем, возможно, тебя заинтересует эта необычная история.

– В человеческой жизни и судьбе бывает много странного, – задумчиво произнес Дронго. – Иногда происходит такая непонятная череда несчастий, что даже не можешь понять,

почему и за что немилосердная судьба так тебя преследует. Я никогда не рассказывал об одном из моих родственников, вернее, о том, как сложилась их жизнь? Это был очень добрый, умный, красивый молодой человек. Он был совсем маленьким, когда умерла его мать. Отец женился во второй раз, у него родились еще три девочки. Но у второй супруги не было сыновей, что, конечно, сказывалось на отношениях в семье. Потом и этот молодой человек женился, но вдруг, неожиданно для всех, заболел какой-то редкой болезнью типа экземы, и его лицо покрылось непонятными струпьями. Все это казалось тогда не столь большим несчастьем. Он защитил диссертацию, был на хорошем счету на работе, у него родились три дочери. И тут младшая дочь, родившаяся с пороком сердца, умирает. Конечно, страшный удар, но ему еще не верилось, что это все – злая шутка судьбы. Затем он сам попадает в больницу, где врачи констатируют у него онкологическое заболевание в последней стадии и заявляют, что ему осталось жить несколько недель.

Мой родственник вернулся домой умирать. Он уже не работал, сидел дома. Через месяц оформил себе инвалидность и ничтожную пенсию. Так прошло несколько лет. Его старшая дочь, умница и красавица, была слишком чувствительной и тонкой натурой. Из-за болезни отца она получила диабет первой степени и умерла накануне своего замужества в восемнадцать лет от диабетической комы. А врачи еще раз проверили несчастного отца и не нашли у него онкологии. Сказали только, что произошла врачебная ошибка. Он нашел какую-то работу, пытался начать все снова, но жизнь была уже окончательно сломана. Последняя его дочь уехала в Голландию и вышла там замуж. Потом выяснилось, что ее муж стал ваххабитом и развелся со своей супругой. Через некоторое время этот несчастный все-таки умирает. Вот такая трагическая судьба. Повторяю – умный, талантливый, способный и в молодости очень красивый человек. Если ты сумеешь объяснить мне, почему столько несчастий могло свалиться на одного человека, возможно, я перестану быть агностиком. Но подобные трагедии остаются для меня невероятной загадкой судьбы. И самое обидное, что я ничего не придумал, все это было на самом деле.

– Да, действительно трагическая судьба, – согласился Эдгар, – ты мне никогда об этом не рассказывал.

– У нас в семье не любят об этом вспоминать. Может, в случаях с друзьями Кродерса произошло нечто похожее?

– Фирма скупает землю за две цены, продает дешевле номинала и сразу закрывается, – напомнил Вейдеманис. – Мне кажется, это не судьба, а конкретный умысел.

– Возможно. Но кто и зачем? Кто-то позавидовал счастью этой «шестерки»?.. Помнишь, мы расследовали дело о том, как погибали бывшие школьные друзья? Но там все было понятно, эти преступления совершались с определенной целью. А здесь какая может быть цель? Испортить бизнес брату твоего знакомого? Или в случае со смертью сына его друга... Кому могла понадобиться такая месть?

– Я сам не поверил, поэтому пришел и рассказал тебе обо всем, – вздохнул Эдгар, отодвигая от себя очередную пустую кружку.

– Еще кофе?

– Нет, спасибо.

– Конечно, дело странное, но ты считаешь, что нам совсем нечем заниматься?

– Я подумал, что тебе будет интересно. Во всяком случае, непонятно, кто и зачем все это провернул. Гирт сказал, что готов оплатить наше расследование, если мы заинтересуемся им. Кродерс тоже не самый бедный человек, даже после происшедшего экономического кризиса.

– Если выяснится, что это всего лишь обычные совпадения, мы будем выглядеть довольно глупо, – заметил Дронго.

– А если нет? Гирт все тщательно проверил по этой фирме; все было именно так, как я тебе рассказал.

– Ладно, давай по порядку. Их было шесть человек?

– Я принес список. – Эдгар вытащил из кармана исписанный листок бумаги.

– Получается, что ты был заранее уверен в моем согласии, – усмехнулся Дронго.

– Я слишком хорошо тебя знаю, – ответил Вейдеманис.

– Давай имена.

– Петер Кродерс, предприниматель из Риги. Ольга Старовская, она супруга Ильи Старовского, руководителя клиники «Двадцать первый век». Андрей Охманович, работал заместителем начальника управления Министерства экономического развития. Борис Райхман, банкир. Фазиль Мухамеджанов, тоже предприниматель. И еще одна дама – Делия Максарева, она работает заместителем директора какого-то предприятия. Вот эти пятеро и были самыми близкими друзьями Кродерса, которых знает и Гирт Симанис. Самое примечательное, что последний несколько раз встречался с ними. Его брат даже приглашал всех на свой пятидесятилетний юбилей в Ригу. Гирт уверяет, что они до сих пор близко дружат. Но события последних месяцев кажутся ему просто невероятными.

– Это у Старовского отобрали лицензию? – догадался Дронго.

– Верно.

– А неприятности начались, очевидно, у чиновника?

– Да, у Охмановича.

– Почти разорился Райхман или Мухамеджанов?

– Первый. И еще от него ушла супруга. А у второго погиб сын. Гирт вообще считает, что это могло быть убийство. Прибавь еще наркотики, которые нашли у сына Делии Максаревой... Цельный букет получается. Как будто кто-то задался определенной целью причинить неприятности всем шестерым.

– Выходит, появился некий граф Монте-Кристо наоборот, который решил таким страшным образом отомстить этой шестерке. Если, конечно, за всеми этими происшествиями стоит кто-то конкретный. Считаешь, что такое возможно в наши дни?

– Я изложил только конкретные факты.

– Тогда я могу заметить, что в жизни каждого человека бывают светлые и темные полосы. Про твою жизнь не буду даже вспоминать, ты с трудом выкарабкался. Но и я не всегда был «везунчиком», если вспомнить хотя бы мои ранения... Но мы с тобой не виним судьбу и не ищем виновного.

– Наши неприятности были до того, как мы с тобой познакомились, – улыбнулся Вейдеманис, – а после того, как подружились, вроде бы никаких очевидных трагических происшествий в нашей жизни не происходило.

– Смотря что считать трагедией, – мрачно заметил Дронго. – Ты за это время потерял свою мать, я – отца. Согласись, это большие личные трагедии. Удары судьбы, но не злая воля кого-то из наших знакомых.

– Ты веришь в такие совпадения? – не унимался Эдгар.

– Пока не знаю, что тебе ответить. Но это только в романах девятнадцатого века бывают такие «таинственные мстители». Сейчас на подобные замыслы у людей нет ни времени, ни денег, ни сил, а главное – желаний. В Москве такие проблемы решаются гораздо проще – можно нанять обычного киллера и убрать своего обидчика. Сколько стоила земля, о которой ты говорил? Ее коммерческая стоимость?

– Триста сорок тысяч в пересчете на доллары.

– А купили?

– За шестьсот. И продали за двести пятьдесят. Ты где-нибудь такое слышал?

– Не слышал, но будет любопытно узнать, кто и зачем затеял такую глупую игру. Получается, что человек, который стоит за этим, потерял триста пятьдесят тысяч долларов только потому, что хотел «насолить» двоюродному брату твоего друга? Не слишком ли высокая цена?

За такие деньги в Латвии он мог нанять киллера, который убрал бы всех шестерых его обидчиков.

– Я тоже об этом подумал. Но ведь фирма действительно была официально зарегистрирована и перекупила землю, на которую претендовал Кродерс. И потом, какие обидчики? Это уже пятидесятилетние люди, которые около двадцати лет назад работали вместе на одном предприятии. С тех пор их пути давно разошлись. И они встречаются друг с другом только потому, что сохранили хорошие отношения.

– Может, нужно поискать причины в их совместной работе? Что это был за «почтовый ящик», в котором они работали?

– Не знаю. Но не думаю, что секреты производства могли сохраниться на двадцать с лишним лет. Я тоже полагал, что это как-то связано с их бывшей работой, но Гирт уверяет меня, что у них не было ничего секретного. И его двоюродный брат тоже считает, что эти события никак не могут быть с ней связаны.

– Когда начались все эти неприятности?

– В последние два года.

– И за эти два года у них в жизни не было ничего хорошего? Только несчастные и трагические случаи?

– Не думаю. Наверное, было что-то и хорошее. Но я специально не узнавал. Хотя брат Гирта отметил свой юбилей, кто-то из них женил своего сына, и Гирт приезжал на свадьбу вместе со своим братом...

– Тогда все в порядке. У кого-то были трагедии, у кого-то – счастливые события. Это обычная жизнь, Эдгар.

– А фирма, которая перекупила землю? – упрямо повторил Вейдеманис. – Гирт несколько раз все проверял.

– Ты считаешь, что все так серьезно?

– Как минимум интересно.

– Если хочешь, мы на выходные поедem в Ригу и все сами проверим, – предложил Дронго. – Правда, я не думаю, что все эти совпадения преднамеренны и связаны между собой. Зачем и для чего? А поверить в то, что неприятности за последнее время были только у этой шестерки, мешают мои сомнения.

– Давай поедem в Ригу, – согласился Вейдеманис, – я уже давно там не был. Заодно проверим версию моего друга Гирта Симаниса.

– С удовольствием. Ты знаешь, как я люблю Латвию. Заказывай билеты и гостиницу. В пятницу вечером выезжаем.

– И, конечно, на поезд, – улыбнулся Эдгар. – Ты сказал, в пятницу вечером выезжаем. Значит, обязательно поездом.

– Ты сам все прекрасно знаешь. Если можно избежать полета, я с удовольствием это делаю. И так слишком много летаю...

– Тогда возьму нам два билета на рижский поезд, – кивнул Вейдеманис.

– И скажи Гирту, что мы хотели бы встретиться с его двоюродным братом, – напомнил Дронго.

– Это обязательно, – пообещал Вейдеманис.

Глава 2

В Ригу они прибыли днем. Поезд пришел точно по расписанию, без пяти минут четыре. На вокзале их встречал Гирт Симанис, который оказался мужчиной среднего роста, с редкими темными волосами, в очках. Рукопожатие было сильным, энергичным. С Эдгаром они обнялись.

– Я заказал два номера в «Гранд-отеле», – сообщил Гирт. – Если не возражаете, мы пообедаем прямо в гостинице, и я расскажу вам обо всем, что мне удалось узнать. Вы давно не были в Риге? – спросил он, обращаясь к Дронго.

– Уже лет десять, – ответил эксперт. – Вижу, вокзал очень изменился.

Они прошли к автомобилю. Гирт уселся на переднее сиденье, гости разместились на заднем. Водитель поздоровался с приехавшими по-русски.

– Да. Вокзал отремонтировали, – сказал Гирт, – но с тех пор произошло много разных изменений, и не самых лучших. Наши молодые ребята тысячами уезжают на работу в Европу, благо никаких разрешений и виз уже не нужно. По статистике, вместо трехмиллионного населения в стране осталось только два миллиона двести тысяч человек, да и эти цифры вызывают большое сомнение. Мы официально продлили сроки регистрации граждан, даже разрешили оформлять опросные листы по Интернету, но все равно умудрились «потерять» больше четверти населения страны. Вот такие у нас перспективы.

– Неужели все так мрачно? – не поверил Дронго.

– Даже хуже, чем вы думаете. Резко упало производство, выросли долги, один за другим закрываются работающие предприятия. После распада СССР мы закрыли практически все работающие у нас крупные производственные объединения. Наши «патриоты» считали, что так будет лучше, ведь на них работало много приехавших русскоязычных граждан. И сейчас мы столкнулись с тем, что одни вернулись в Россию, другие уехали в Европу, и все мрачно шутят, что вскоре в Латвии останутся только старики и дети.

Вейдеманис молчал, глядя в окно и стараясь не комментировать своего школьного товарища.

– Это был период «взросления», – подхватил невеселый рассказ Дронго, – когда, отделившись от родителей, подросток изо всех сил пытается доказать свою самостоятельность. Мечты о восстановлении собственной независимости были мечтами на протяжении почти пятидесяти лет. Ну, и добавьте сюда обиды прибалтов за сороковой год, когда их фактически оккупировали. Латвия, как и другие прибалтийские республики, изо всех сил пыталась отделиться от России, доказать, что может существовать не просто самостоятельно, но и независимо от своего соседа...

– Насколько я знаю, Эдгар не считает сороковой год «оккупацией» Латвии, – улыбнулся Гирт, показывая на друга.

– Я его понимаю, – кивнул Дронго. – Ведь если соглашаться только с таким выводом, то получается, что он всю жизнь служил «оккупантам», работая в органах КГБ. А ему это обидно и неприятно. Исторические реалии были таковы, что Сталин и Гитлер пошли на сознательный раздел Восточной Европы, и Прибалтика попала в сферу влияния СССР. Тысячи латышей приветствовали части Красной Армии, вошедшей в Ригу. И это тоже правда. Как правда и то, что через два года уже другие тысячи местных горожан приветствовали немцев, а в некоторых местах еще до прихода фашистов происходили массовые еврейские погромы.

– Это тоже спорный вопрос, – возразил Гирт. – Дело в том, что в органах госбезопасности и в партийных комитетах было много людей еврейской национальности. И свое недовольство политикой советского государства местные национал-радикалы выплескивали на евреев.

– Это оправдывает еврейские погромы? – заметил Дронго.

– Нет. Разумеется, нет. Но я пытаюсь объяснить их причины.

– Не все так однозначно, – согласился Дронго. – Но в любом случае, по моему разумению, с соседями нужно дружить, стараясь не помнить былые обиды.

– Мы приехали, – прервал его Гирт, когда автомобиль подъехал к отелю.

Они поднялись по лестнице и повернули направо. В небольшой комнате уже ждавшая их дежурная протянула им два заполненных бланка для подписи.

– Пожалуйста, господа, – сказала она по-русски, – распишитесь внизу, и я дам вам ключи.

– Встретимся через полчаса на обеде, – предложил Вейдеманис.

Через тридцать минут они уже сидели в зале ресторана. Дронго успел принять горячий душ и чувствовал себя гораздо лучше. На часах было около пяти часов вечера.

– Теперь давайте поговорим о вашем необычном деле, – начал он. – Я специально ничего не спрашивал у вас при вашем водителе, подобные дела лучше вести без свидетелей.

– Ничего страшного, – улыбнулся Гирт, – мой водитель работает со мной уже много лет. Если не возражаете, то вечером мы увидимся с моим другом Петером Кродерсом. Вы уже, наверное, слышали о том, как появившаяся фирма перекупила землю, на которую он очень рассчитывал. Дело в том, что фирма Кродерса занимается строительством дачных коттеджей, а эта земля как раз была предназначена для подобного строительства, и особых претендентов на нее не было, если не считать одной фирмы, которая была готова предложить триста тысяч. Никто не сомневался, что тендер выиграет фирма Кродерса, которая готова была заплатить реальную цену в триста сорок тысяч долларов. Насколько я знаю, Петер готов был поднять цену даже до четырехсот тысяч и выше. Но неожиданно появляется некая фирма «Авангард», которая перебивает его цену и предлагает на торгах немыслимую сумму в шестьсот тысяч. Я говорил не только с Петером, но и с его основными конкурентами. Даже четыреста было много, ведь приобретается фактически голая земля, куда еще нужно проводить коммуникации и возводить дома, а в условиях кризиса не факт, что дома будут проданы или сданы в аренду. Но фирма «Авангард» платит шестьсот тысяч и перебивает цену.

Дронго слушал Гирта очень внимательно.

– Петер попросил меня навести справки, – продолжал тот, – и я довольно быстро узнал, что фирму «Авангард» основал Ян Звирбулис, бывший адвокат, занимающийся разного рода мелкими махинациями. Можете мне не поверить, но раньше он был секретарем парторганизации в юридической консультации. Звирбулис никогда в жизни не занимался строительством, и никто в Риге не мог объяснить, на какие деньги он основал новую фирму и приобрел эту землю. Мне достаточно быстро удалось выяснить, что фирма «Авангард» появилась за две недели до аукциона, и уже на следующий день после регистрации Ян получил деньги. Семьсот тысяч долларов, которые ему перевели из французского банка. Через две недели он покупает землю за шестьсот тысяч, а еще через две недели продает ее конкурентам Петера за двести пятьдесят тысяч долларов. Причем сам выходит на них и сам предлагает эту цену. Они до последней минуты не верили в его искренность и ожидали какого-то подвоха. Два раза даже проверяли все документы, считая, что их обманывают. Но в конце концов заплатили ему деньги и получили землю за весьма низкую цену.

– Где этот бывший адвокат?

– Сейчас он в Германии. Поехал в Дуйсбург, к своим родственникам.

– Давно?

– Уже три месяца. Мне сказали, что он собирается открыть там магазин.

– Он такой богатый человек?

– Насколько я знаю, он никогда не был особенно богатым. Обычный проходимец, репутацию которого все прекрасно знали. Но после этой «земельной сделки» у него появились деньги.

– Сколько работников было в фирме?

– Трое, вместе с Звирбулисом, – ответил Гирт. – Удивлены?

- Не очень. Я ожидал нечто подобного. Где остальные двое?
- Девочка-секретарь, которая ничего не знала, и молодой человек, проработавший в его фирме ровно четыре недели. Он сейчас без работы.
- Парень живет в Риге?
- Да. Я легко могу его найти, но он выполнял обязанности курьера и помощника.
- А секретарь?
- Она уехала в Польшу. Сейчас работает где-то в Люблине. У нее родственники в Польше.
- Идеальная фирма, – резюмировал Дронго.
- Идеальная подставная фирма, – поправил его Симанис. – Все знали, что она собирается уезжать в Люблин, но Звирбулис уговорил ее остаться еще на месяц. Он словно искал именно такого человека, который потом уедет отсюда.
- Как зовут третьего?
- Юрис Рукманс.
- Нам нужно с ним встретиться.
- Постараюсь его найти.
- С этим делом я примерно все понял. Появился жуликоватый юрист, который основал свою фирму, купил землю за баснословную цену, а потом продал примерно в три раза дешевле и уехал отсюда. Давайте поговорим о друзьях вашего брата, – предложил Дронго.
- Я попытался проверить, почему отобрали лицензию у мужа Ольги Старовской, – сообщил Симанис, – и мой знакомый юрист в Москве уверял меня, что лицензию у клиники ее мужа отобрали незаконно. Сейчас все проверяют заново.
- И еще расскажи про погибшего сына, – попросил Вейдеманис.
- Да. Это сын Фазиля Мухамеджанова. Попал в автомобильную катастрофу, его ударил грузовик. Насмерть. Парень погиб на месте. А водителя так и не нашли.
- Просто средневековые хроники, – не выдержал Вейдеманис.
- Тогда получается, что эти шестеро кого-то обидели, – заметил Дронго. – Но вместе они работали в начале восьмидесятых, и поверить в месть, осуществленную почти через тридцать лет, практически невозможно.
- Может, был человек, которого они посадили на двадцать лет? – предположил Эдгар. – И теперь, выйдя на свободу, он пытается отомстить таким страшным способом?
- В начале восьмидесятых по советскому Уголовному кодексу не давали больше пятнадцати лет, – напомнил Дронго. – Высшей мерой наказания была смертная казнь, а максимальный срок – пятнадцать лет. Потому и невозможно поверить в такого мстителя. Насколько я понял, это были обычные рядовые молодые сотрудники. Неужели ты бы поверил в подобную невероятную историю?
- Не знаю, мне она совсем не нравится, – признался Вейдеманис.
- Я хочу вам сообщить, что мы с Петером готовы оплатить все ваши расходы, – сообщил Симанис, – если вы решите все-таки проверить наши подозрения.
- Давайте сделаем так, – предложил Дронго. – Нам нужно уже сегодня переговорить с этим Юрисом, который работал в фирме «Авангард», и с вашим двоюродным братом. Вы сможете организовать нам встречу с Юрисом Рукмансом?
- Я пошлю за ним свою машину, – отозвался Гирт, – а мой двоюродный брат скоро приедет. Я сказал ему, что вы остановитесь в «Гранд-отеле», и он появится к семи часам.
- Тогда мы его подождем, – решил Дронго. – Но встреча с Юрисом для нас очень важна.
- Я вас понимаю, – согласился Симанис. – Лучше я сам поеду за ним и постараюсь уговорить его приехать сюда. Встретимся в отеле после семи. До свидания. – Он поднялся и быстро вышел из зала.
- Ты считаешь, что все это не очень серьезно? – обратился Эдгар к Дронго.

– Если все было так, как рассказал твой бывший школьный товарищ, то этот адвокат Звирбулис мог быть просто шизофреником, хотя некоторые детали его поведения меня оченьстораживают. Бывший секретарь парторганизации, карьерист, достаточно успешный и в советские времена. Для работы в своей фирме уговорил девушку, собиравшуюся уехать. Перепродал землю почти в три раза дешевле, чем купил ее. И сразу оказался в Германии. Очень неприятная цепочка фактов. Боюсь, что здесь не все так просто.

– Я тебе об этом говорил, – кивнул Вейдеманис. – У нас есть еще время; может, выйдем и немного погуляем?

– Пойдем, – согласился Дронго, – мне показалось, что в городе стало меньше людей, чем раньше.

– Тебе не показалось, все так и есть, – уныло сказал Эдгар.

Выйдя из гостиницы, они за полтора часа практически обошли весь центр города. Уже смеркалось, люди торопились домой. На улицах действительно было гораздо меньше молодых и вообще улыбающихся лиц. Все озабочены своими проблемами, спешат по своим делам. Но рестораны и кафе работали в прежнем режиме, главное – везде великолепные книжные магазины. Дронго и Вейдеманис вошли в один из них.

– У вас есть книги издательства «Аве»? – поинтересовался Дронго.

– Нет, – ответила продавщица, – они продавались раньше, несколько лет назад. А потом это издательство закрылось. Они не выдержали конкуренции.

– Мы были с тобой вместе, – вспомнил Эдгар. – Кажется, фамилия директора издательства Фешукова.

– Такая милая, интеллигентная женщина, – вздохнул Дронго. – В рыночных условиях подобные люди просто неконкурентоспособны. Очень жаль, я с удовольствием встретился бы с ней еще раз.

– Еще была журналистка, – напомнил Вейдеманис, – симпатичная девушка, кажется, ее звали Светлана. Светлана Дольфинцева. Правильно?

– Да. Я встретил ее фамилию несколько лет назад в лондонской русскоязычной газете, где она работает заместителем главного редактора, – ответил Дронго. – Видимо, тоже переехала в Лондон. А моя знакомая Марианна Делчева уехала в Венгрию. Судя по их последней переписи, скоро в Латвии действительно останутся одни пенсионеры.

Они вернулись к отелю как раз в тот момент, когда к зданию подъехала машина, в которой сидели Гирт Симанис и какой-то парень лет двадцати пяти. Шатен высокого роста, он был по-своему привлекательным молодым человеком, немного похожим на популярного французского актера Жана Маре в молодости. Все прошли в бар. Юрис Рукманс неплохо говорил по-русски, как и большинство городских жителей, хотя и с заметным латышским акцентом. Он был одет в светлые брюки, теплый темный джемпер и куртку, которую снял и положил рядом с собой. Бармен принес троице латышам кофе, а Дронго – зеленый чай.

– Извините, господин Рукманс, что пришлось вас побеспокоить, – начал Дронго, – но мы хотели встретиться и поговорить с вами.

– Я понимаю, – кивнул Юрис. – Со мной уже разговаривали и господин Симанис, и господин Кродерс. Я знаю, о чем вы хотите меня спросить. Но ничего больше того, что сообщил этим господам, я вам все равно не скажу, потому что больше ничего не знаю.

– Мы просто поговорим, – успокоил его Дронго. – Для начала расскажите, как вы попали в «Авангард».

– По объявлению, – пояснил молодой человек. – Я окончил институт и нигде не мог найти работу. В одной строительной компании проработал полгода, и она закрылась. Дал объявление, что имею опыт работы, высшее инженерное образование. Восемь месяцев ходил без работы. А потом мне позвонил Звирбулис.

– Сам позвонил? – уточнил Дронго.

– Да, сам. Назначил время и место, где мы должны были встретиться. Я приехал на встречу, привез свои данные, документы. Он все внимательно просмотрел, задал несколько вопросов, сказал, что перезвонит мне, и мы с ним попрощались.

– Что было потом?

– Он перезвонил через две недели, когда я уже перестал надеяться, и сказал, чтобы я выходил на работу.

– И все?

– Еще сказал, какая у меня будет зарплата. Я очень обрадовался. Даже не рассчитывал, что мне заплатят такие деньги.

– Можете вспомнить, какие именно вопросы он задавал вам при встрече? – попросил Дронго.

– Конечно, могу. Спрашивал о семье, интересовался, нет ли у меня девушки. Я ответил, что нет. Ему это, кажется, даже понравилось. Мы живем втроем с матерью и младшей сестрой. Отец у меня умер еще восемь лет назад, и мы переехали в дом его родителей в Ригу.

– А вопросов по специальности или по вашей прежней работе не было?

– Нет.

Дронго переглянулся с Вейдеманисом. Похоже, бывшего адвоката волновали только родственные связи молодого человека. Ему был нужен именно работник без определенных связей в столице.

– И вы вышли на работу?

– Да, с понедельника. Но я так и не понял, зачем ему были нужны мы с Рутой, это его секретарь. Ее он тоже нашел по объявлению. Я носил какие-то бумаги, передавал пакеты с книгами и журналами. В основном мы с Рутой пили кофе и болтали друг с другом. Готовились к аукциону, который должен был состояться через две недели после открытия нашей компании. Звирбулис прибегал и сразу убегал. Наша фирма арендовала три комнаты. Он уверял нас, что заплатил за год вперед, но потом я узнал, что мы оплатили аренду только за месяц. И телефоны подключили тоже только на месяц. Нас с Рутой он принял на работу одновременно, в понедельник, с разницей в один час. И еще два раза мы с ним ездили посмотреть землю, которую потом купила наша фирма.

– Понравилась?

– Неплохая земля, – кивнул Юрис, – но я бы не дал за нее шестьсот тысяч. Потом мы вместе поехали на аукцион. Господин Звирбулис попросил, чтобы именно я участвовал в аукционе, а он сидел рядом и назначал цену. Все знали, что на землю претендуют господин Кродерс и господин Кренберг – это был основной конкурент Кродерса. Потом начались торги...

– Поподробнее, – вмешался Гирт. – Расскажи подробнее...

– Объявили первоначальную цену в двести тысяч, и Кродерс сразу поднял ее до двухсот пятидесяти. Кренберг прибавил десять. Кродерс дал еще двадцать. Кренберг снова прибавил десять. Кродерс предложил триста. Так они довели до трехсот пятидесяти. Потом Кренберг кому-то позвонил и прибавил еще немного. Кродерс снова поднял цену. За триста семьдесят уже не должно было быть конкурентов, когда Звирбулис толкнул меня, и я предложил четыреста. Весь зал просто ахнул. Господин Кренберг даже поднялся, чтобы нас рассмотреть. Господин Кродерс стал белым как мел и прибавил еще десять. Звирбулис снова толкнул меня, и я предложил четыреста пятьдесят. – Юрис вздохнул, отодвинул уже пустую чашку и продолжил: – Нужно было видеть, как нервничает Кродерс. Он снова прибавил, но только пять тысяч, меньше было нельзя. Я опять получил толчок и объявил цену в пятьсот тысяч.

Кродерс поднялся, собираясь уйти, но неожиданно повернулся и объявил новую цену в пятьсот пять тысяч. Зал зашумел. Все прекрасно понимали, что эта цена просто не соответствует реальной стоимости земли. И теперь все смотрели на меня. Звирбулис молчал, и я подумал, что мы просто выходим из игры. Но когда аукционист начал считать, при счете «два»

Звирбулис толкнул меня и назвал цену в шестьсот тысяч. Я даже не поверил и наклонился, чтобы переспросить. «Идиот! – зашипел он. – Говори «шестьсот», пропустишь время!» И я крикнул «шестьсот» в последнюю секунду. Вот тогда зал просто взорвался. Кродерс быстро покинул аукцион, а через минуту аукционист объявил, что землю продают фирме «Авангард» за шестьсот тысяч долларов. На следующий день в газетах появились сообщения, что неизвестная ранее фирма «Авангард» выиграла земельный конкурс. Все гадали, что именно мы собираемся там строить. Одна газета даже написала, что тендер выигран по заданию посольства России, которое собирается возводить там летнюю резиденцию посла, поэтому мы могли позволить себе заплатить такие шальные деньги.

– Почему именно для российского посла? – уточнил Дронго.

– У кого еще могут быть шальные деньги в такое время? – удивился молодой человек. – Только у бизнесменов из России. Тем более что господин Звирбулис несколько раз ездил в Москву, перед тем как открыть свою фирму.

Дронго и Вейдеманис переглянулись.

– Откуда вы знаете? – спросил эксперт.

– От Руты. В разговоре с ней он сказал, что за последний месяц перед открытием фирмы дважды был в Москве. Она и запомнила.

– И он знал, что она собирается уезжать, но все равно взял ее на работу? – переспросил Вейдеманис.

– Да. Рута говорила, что уже все готово и она скоро переедет, но он сказал, что ему нужна сотрудница со знанием польского. Хотя мы оба так и не поняли, зачем ему нужен был еще и польский язык.

– Как только вы выиграли тендер и получили землю, он кому-то звонил?

– Да. При мне позвонил и сказал, что купил землю.

– На каком языке он разговаривал?

– На русском.

– Что было потом?

– Потом мы поехали с ним еще раз посмотреть землю. Несколько дней он куда-то исчезал, все время с кем-то разговаривал. Искал клиентов на землю, предлагал ее сначала за шестьсот, потом за пятьсот, потом за четыреста.

– Может, у него изменились какие-то обстоятельства или что-то произошло?

– Не знаю. Он жил один. С женой давно развелся, дочь уже взрослая, он про них даже не вспоминал. Это я потом узнал, что у него в Риге бывшая жена и взрослая дочь. А в его квартире никто не жил. Но когда я там был, он уже решил ее продать.

– Чем закончилась ваша эпопея с землей?

– Кроме Кродерса, она никого не интересовала. Даже бесплатно. И никто не верил Звирбулису. У него была репутация не очень честного человека. Никто не знал, где он взял такую сумму на покупку земли. Сначала предлагал ее господину Кродерсу, но тот не захотел с ним даже разговаривать. А больше никто не брал. И Звирбулис очень переживал. Потом он начал звонить господину Кренбергу и предложил ему землю за триста тысяч. Кренберг подумал, что над ним издеваются, и тоже послал нашего шефа подальше. Но Звирбулис не тот человек, от которого можно легко избавиться. Он спустил цену до двухсот пятидесяти тысяч и продал землю Кренбергу, убедив того, что готов ее отдать. Хотя Кренберг очень сомневался и даже послал комиссию проверить землю. Он, наверное, думал, что Звирбулис продает ему болото, но земля была нормальная, я сам видел.

– И почти сразу ваша фирма закрылась?

– Да. Звирбулис заплатил мне и Руте за три месяца и сказал, что отправляет нас во временный отпуск. Но я уже тогда понимал, что больше наша фирма работать не будет. Так все и произошло.

– И вы его после этого не видели?

– Нет. Он продал квартиру и уехал в Германию.

– Тогда получается, что он просто ненормальный, – подвел итог Дронго. – Открыл фирму, уплатил регистрационный сбор, нанял ненужных ему сотрудников, уплатил за землю гораздо больше, чем она того стоила, и продал почти в три раза дешевле... Он действительно был чокнутым?

– Нет, – улыбнулся Юрис, – абсолютно нормальным. Даже слишком.

– Что значит слишком?

– В Риге его многие знали как умелого адвоката, – пояснил молодой человек.

– Я же вам говорил, – напомнил Гирт, – он основал фирму, купил землю, перепродал ее и сразу уехал.

– Спасибо, господин Рукманс, – сказал на прощание Дронго, – вы нам очень помогли. У меня к вам последний вопрос. Как вы думаете, зачем все это нужно было вашему бывшему шефу?

– Не знаю, – признался Юрис, – я об этом тоже много думаю. Мне кажется, что ему просто поручили купить землю и дали денег. А потом передумали, и он остался с землей вместо барыша. Поэтому и был вынужден ее так быстро продать.

Вейдеманис выразительно посмотрел на Дронго. Больше вопросов у них не было.

Глава 3

Кродерса пришлось ждать достаточно долго. Он появился только в девятом часу и сразу предложил вместе поужинать в ресторане узбекской кухни, находившемся недалеко от отеля. На двух автомобилях они подъехали к ресторану, прошли в зал и расположились у окна за круглым столом. Кродерс оказался мужчиной ниже среднего роста, что не столь характерно для латышей, с круглым подвижным лицом и большими, немного навывкате, глазами.

– Большое спасибо, что вы приехали, – с чувством произнес он. – Ваша репутация, господин Дронго, хорошо известна в нашей стране. И я благодарен господину Вейдеманису, что ему удалось убедить вас приехать в Ригу для нашей встречи.

– Нас заинтересовало ваше необычное дело, – пояснил Эдгар.

– Спасибо. Я бы в жизни не поверил, если бы сам не столкнулся с такими фактами, – признался Кродерс. – В такое просто невозможно поверить. Но в жизни, очевидно, все бывает. – По-русски он говорил хорошо, без акцента, сказывалась его учеба в Москве.

– Давайте по порядку, – предложил Дронго. – Мы уже поняли, что вы работали много лет назад на закрытом предприятии, и у вас сложилась определенная группа друзей, с которыми в последнее время начали происходить необъяснимые события.

– Абсолютно необъяснимые, – кивнул Кродерс. – Если позволите, я сделаю заказ, и мы продолжим.

Он позвал официантку, быстро продиктовал ей названия блюд и, уточнив, что именно будут пить гости, вернулся к основной теме разговора:

– Если бы не уехавший Звирбулис, я бы не поверил, что такое вообще возможно. Я несколько раз пытался до него дозвониться, но он отказывался со мной разговаривать. Зато я нашел Юриса, и он мне все рассказал. Если я правильно понял, Звирбулис просто сошел с ума. Он зарегистрировал фирму «Авангард», принял участие в аукционе, заплатил в два раза больше и продал землю через несколько дней в три раза дешевле. Вы можете поверить, что этот пронырливый адвокат неожиданно стал таким бессребреником? Я – не могу. Я ведь знаю его уже лет двадцать пять. В советское время за ним водились разные темные делишки, хотя он был даже секретарем парторганизации в своей юридической консультации. Может, поэтому партия распалась, как вы считаете?

– В восемнадцатимиллионной партии могли быть и прохвосты, – усмехнулся Дронго.

– Вот он и был таким прохвостом, – гневно проговорил Кродерс, – и остался таким уже в наше время. Скажите мне, откуда он мог получить семьсот тысяч долларов для своей фирмы? Я специально узнавал через наши банки. Ему просто перевели деньги. Вы меня понимаете? Не выдали кредит, не предоставили ссуду, а просто подарили семьсот тысяч долларов. И я хочу знать – кто и зачем мог подарить ему такие деньги? А главное, для чего? Чтобы отнять у меня землю? Не слишком ли дорогое удовольствие – потерять несколько сот тысяч долларов только для того, чтобы сделать мне гадость?

– Судя по рассказу Юриса Рукманса, фирму зарегистрировали только для одной сделки, – согласился Дронго. – А вы не пытались проверить, с кем разговаривал Звирбулис после сделки? Кому он мог звонить, кому докладывал об успешно проведенной операции?

Кродерс и Симанис переглянулись.

– Это, конечно, незаконно, – заговорил Гирт, – но мне удалось через моих знакомых проверить звонки на мобильный и городской телефоны Звирбулиса. Ему звонили с московского номера, который был зарегистрирован на некоего Бочкарева Василия Павловича. Никаких других данных мы найти не смогли. Он разговаривал с этим Бочкаревым раз пять или шесть. В том числе звонил сразу после покупки земли.

– Уже кое-что, – сказал Вейдеманис.

– Я думаю, что номер телефона зарегистрирован на подставную фамилию, – нахмурился Дронго. – Насколько я понял, среди ваших знакомых в Москве Бочкарева не было?

– Нет, не было.

– Понятно. Мы, конечно, проверим этого Бочкарева, но, судя по всему, это была хорошо спланированная акция. И хорошо оплаченная. Давайте поговорим о ваших друзьях. У них тоже были неприятности?

– Разве это можно назвать неприятностями? Трагедии...

– С кого все началось?

– Со Старовских. У них отобрали лицензию. Типичный рейдерский захват клиники. Ольга так переживала...

– Кто был следующий?

– Райхман. Начались проблемы с его банком.

– Дальше, по порядку...

– Потом неожиданно погиб сын Фазиля, и убийцу до сих пор так и не нашли. Хотя я точно знаю, что несчастный Фазиль обещал любые деньги за розыск негодяя, убившего его сына.

– Что было дальше?

– Затем начались проблемы у меня. Через некоторое время появился Звирбулис со своей подставной фирмой, и все покатило как большой ком. От Райхмана ушла жена, Охмановича уволили с должности, у Делии Максаревой сына обвинили в хранении наркотиков. Она клянется, что он никогда в жизни не хранил и не принимал наркотики. И я в это верю. Я знаю мальчика с рождения, он всегда был хорошим парнем. Делия развелась с мужем, и сына воспитывала ее мама, директор школы. А ее папа – Леонид Максарев, народный артист республики, известный дирижер. Исключительно интеллигентная семья. И мальчик был не так воспитан, чтобы подсесть на наркотики, тем более на продажу этой гадости. У них очень обеспеченная семья, он ни в чем не нуждался.

– Не обязательно, чтобы наркотиками занимались из-за нужды, – мрачно произнес Дронго. – Очень часто такие «сбои» случаются как раз в обеспеченных семьях, где у детей есть все и даже немного больше.

– Но это не тот случай, – возразил Кродерс. – Я отвечаю за этого парня, как за своего сына.

– Вы считаете, что его подставили?

– Уверен. И Охмановича убрали тоже по чьему-то наущению. Хотя он считает, что там было просто непредсказуемое стечение обстоятельств.

– А почему ушла супруга Райхмана? В этом тоже виновата чья-то злая рука или это был чей-то умысел?

– Понятия не имею. Это его вторая жена, она младше на шестнадцать лет. Но там могут быть и свои причины.

– Ясно. И вы хотите, чтобы мы все проверили.

– Да, очень хочу. Вы ведь сегодня разговаривали с Юрисом Рукмансом и уже наверняка все поняли. Это была спланированная операция, чтобы просто отнять у меня землю. Только непонятно, зачем. Какую пользу они получили от этой сделки? Вы можете поверить в альтруистов подлецов, которые делают гадость ради самой гадости, да еще и теряют на этом большие деньги? Если бы они остались в плюсе, тогда не было бы никаких вопросов, тогда все понятно. Но они потеряли несколько сот тысяч долларов! Для чего? Почему? Конечно, я упустил не просто землю и выгодный контракт, я оказался почти на грани разорения. Ну, даже если бы я разорился, какая польза от этого Звирбулису и неизвестному мне Бочкареву?

– Может, стоит полететь в Германию и попытаться встретиться с господином Звирбулисом? – предложил Дронго.

– Бесплезно. Он не хочет разговаривать. Я делал несколько попыток, но все бесплезно. Ему, очевидно, неплохо заплатили, поэтому он решил так спешно уехать. Он ведь не дурак, понимает, что молчание – единственная гарантия его спокойной жизни, иначе здесь его могут обвинить в мошенничестве. Ведь получается, что он создал подставную фирму.

– Чем он занимается в Германии?

– Попытался открыть магазин, но дела у него не пошли, и сейчас он думает о его продаже. Во всяком случае, так мне рассказывал один из наших знакомых.

– Значит, опять нуждается в деньгах, – задумчиво произнес Дронго. – Судя по тому, что я услышал, такие типы – авантюристы по природе; они готовы поставить на кон и свое состояние, и свою жизнь.

– Возможно, – согласился Кродерс. – Только это злые авантюристы, готовые на любую подлость ради собственной выгоды.

– Есть и другие, более романтичные, – возразил Дронго. – У меня есть знакомый писатель в Баку, который в начале девяностых продал все, что у него было, в том числе квартиру и машину, чтобы уехать на Сейшелы и открыть там ресторан. Он даже повез с собой туда своих друзей. Деньги довольно быстро закончились, они еще некоторое время прожили на этих райских островах и потом с большим трудом вернулись в Баку. Абсолютно нерациональный романтик, рискнувший всем, что у него было. После возвращения он устроился на работу в журнал и первое время даже ночевал на редакционном диване. Позже у него все наладилось.

– Может, он не совсем адекватный человек? – удивился Кродерс.

– Нет, более чем адекватный. Он окончил Литературный институт в Москве с красным дипломом, и все наставники считали этого студента одним из лучших на курсе. В наши дни еще встречаются подобные романтики, хотя, к сожалению, все меньше и меньше.

– Звирбулис явно не из таких. Типичный аферист, сделавший деньги и сбежавший из Риги в Дуйсбург, – убежденно произнес Кродерс.

– У вас есть его адрес или номер телефона?

– У меня есть его телефон, и я знаю, что он живет в Дуйсбурге на Андреаштрассе. Но я убежден, что он не станет разговаривать ни с кем из нас. Даже на попытки поговорить с ним по телефону он отвечает категорическим отказом.

– Если он переехал в Дуйсбург больше трех месяцев назад и не сумел до сих пор наладить хоть какое-то дело, возможно, у него уже начались финансовые проблемы, – сказал Дронго. – Я думаю, нам нужно рискнуть и попробовать с ним встретиться. Возможно, если мы предложим ему какую-то сумму, он согласится ответить на наши вопросы.

– Я готов оплатить вашу попытку, – сразу отреагировал Кродерс, – хотя у меня сейчас не так много денег.

– Я тебе помогу, – вмешался Гирт. – Нужно понять, что здесь произошло, иначе вообще глупо проверять всех остальных. Может, Звирбулис сам решился на подобную авантюру, хотя я в это абсолютно не верю.

– Договорились, – кивнул Кродерс, – я дам вам двадцать тысяч евро на расходы.

– А я добавлю столько же, – поддержал его Гирт. – Мне самому интересно узнать, на кого сработал Звирбулис, продав землю с таким убытком для себя.

– Тогда мы сначала поедem в Германию, а потом вернемся в Москву, – решил Дронго, – я думаю, что так будет правильно. И уже в Москве проверим все ваши подозрения.

– Я тоже думаю, что нужно начать с Звирбулиса. Он может много объяснить, – согласился с экспертом Гирт.

– Нас было шестеро, – напомнил Кродерс, – и мы не понимаем, что именно происходит.

– Может, был еще седьмой, которого вы обидели? – предположил Вейдеманис.

– Нет, мы работали в отделе вшестером. Делия пришла позже всех, когда я уже собирался оттуда переводиться. У нас был начальник отдела – Ефим Иосифович Лейтман, но он уже лет

двадцать как умер. Я тоже об этом думал. Больше никого с нами не было. Конечно, в других отделах работало много людей, но кого мы могли так страшно обидеть или оскорбить? Получается, что этот неизвестный ждал больше двадцати лет, чтобы начать действовать. Сумасшедший дом, в это невозможно поверить!

– А если это обычные совпадения? – спросил Дронго.

– Убийство – тоже? Да и мой случай явно не из этой серии... Нет, за всем случившимся стоит чья-то злая воля, я в этом абсолютно убежден.

– Нам понадобятся адреса и телефоны всех пятерых ваших друзей.

– Пожалуйста, никаких проблем.

– Все пятеро живут в Москве?

– Нет. Четверо. Боря Райхман живет в Санкт-Петербурге, он переехал туда еще в середине восьмидесятых. Остальные живут в Москве.

– По прошествии стольких лет вы можете рассказать, что именно делали в своем «почтовом ящике»? Если это, конечно, не секрет.

– Какие секреты, – вздохнул Кродерс. – Я уже не гражданин Советского Союза; да и страны, секреты которой мы должны были хранить, больше нет. И наш «ящик» давно прихлопнули; его, кажется, закрыли еще в девяносто пятом. Обычные конструкторские разработки, сидели над чертежами различных приспособлений для железнодорожных платформ.

– Каких платформ? – не понял Вейдеманис. – Вы же заканчивали МВТУ, при чем тут железные дороги?

– Это был один из самых больших секретов в бывшем Советском Союзе, точнее, в его военно-промышленном комплексе, – пояснил Кродерс. – Так называемые «боевые железнодорожные комплексы», или сокращенно БЖРК. Уникальная разработка советских конструкторов, которая была достаточно недорогой и обеспечивала абсолютную скрытность от возможного противника.

– Я знаю, – кивнул Дронго. – Еще в начале восьмидесятых были разработаны железнодорожные комплексы, такие своеобразные вагоны, внутри которых были спрятаны ракеты. Вагоны передвигались по железным дорогам страны под видом обычных товарных составов, и ракеты невозможно было засечь даже с помощью спутников.

– Да, – подтвердил Кродерс, – все так и было. А потом Горбачев подписал с американцами договор, по которому все эти комплексы следовало уничтожить. И их уничтожили, а наш «почтовый ящик» оказался никому не нужным.

– Поражаюсь, как человек с таким низким интеллектуальным и волевым уровнем мог стать лидером огромной и мощной страны, – заметил Вейдеманис.

– Он окончил МГУ, – напомнил Дронго. – Дело не в его интеллектуальном уровне. Он просто оказался не готов к роли лидера, поэтому проиграл свою собственную судьбу, свою карьеру, свою партию и свою страну. И всех своих союзников. Величайший неудачник в мире теперь признается всеми как величайший освободитель. История знает подобные парадоксы. Но давайте лучше вернемся к истории вашего «почтового ящика». Значит, он закрылся в девяносто пятом?

– Да. Последним оттуда ушел Андрей Охманович. Он успел дослужиться до заместителя директора, а потом перешел на работу в правительство, еще в девяносто четвертом. А через год это предприятие перепрофилировали и закрыли. Но меня уже в России не было...

– Охманович не говорил вам про закрытие? Ничего не рассказывал?

– Я же вам сказал, что он ушел еще в девяносто четвертом. Нет, его там точно не было.

– Насколько я понял, вы проработали там не очень долго?

– Три года отработал, как положено по распределению. Потом еще два. А в восемьдесят пятом нам с Борей Райхманом предложили переехать в ленинградский филиал. Мне было

только двадцать семь лет, а Боре тридцать два, но мы оба были холостяками и охотно согласились. Так вместе и переехали.

– Остальные остались работать в этом «ящике»?

– Остальные четверо – да. Когда я пришел, там уже работала Старовская, она тогда была заместителем Лейтмана. Андрей пришел вместе со мной, мы учились в параллельных группах. Через год появился Райхман, через два – Мухамеджанов и Максарева. Забыл сказать, что тогда фамилия Старовской была Вострикова. Выйдя замуж, она стала Старовской.

– Когда вы ушли, они там еще долго работали?

– Нет, не очень. Оля Старовская ушла в девяносто втором, Андрей Охманович, как я уже вам сказал, – в девяносто четвертом. А вот Фазиль уволился еще в восемьдесят восьмом – нашел работу в каком-то кооперативе по сборке компьютеров. Ну, тогда этим многие занимались. Ввозили детали, а потом собирали компьютеры и продавали. А Максарева ушла еще раньше, в восемьдесят седьмом. В восемьдесят пятом у нее родился сын Игорь, и она уехала с мужем куда-то на Урал. Тот тоже был из артистической среды, достаточно известным режиссером. Но потом они развелись.

– Может, муж Максаревой думал, что она любила кого-то из вас?

– Или ее ребенок не от мужа? – снова вмешался Вейдеманис.

– Нет, – засмеялся Кродерс, – таких диких страстей у нас не было. Ребенок, конечно, от мужа, на их свадьбе мы все гуляли, всем отделом. А вот муж оказался не очень порядочным человеком. Он мне еще тогда не очень понравился. Самовлюбленный, тщеславный, хвастливый и слабый тип, уверенный, что он новый Товстоногов или Ефремов. Вы не знаете, почему женщинам нравятся такие личности?

– Не знаю, – ответил Эдгар, который тоже в свое время развелся с женой.

– И вы потом часто встречались? – уточнил Дронго.

– Да, довольно часто. Мы все-таки работали вместе. Не забывайте, что наш «почтовый ящик» был не совсем в Москве. Он находился в Подмосковье – точнее, в Орехове Зуеве, – и мы вместе справляли праздники, вместе проводили свой досуг. Хорошее время, – вздохнул Кродерс. – Хотя сейчас считается, что оно было достаточно сложным. Особенно при Андропове. Помните, тогда начались проверки в кинотеатрах, парикмахерских, ресторанах, ателье? Проверяли всех, кто мог там случайно оказаться в рабочее время, наводили порядок и дисциплину. Поэтому никто из нас не решался даже сесть на электричку, чтобы поехать в Москву. И все эти торжественные похороны, когда нас организованно вывозили в город... Сначала, когда умер Брежнев. Лейтман почти искренне плакал. Через полтора года умер Андропов. Нас снова повезли в город для участия в похоронах. Лейтман вытирал слезы. Когда умер Черненко, мы спорили всем отделом – заплачет он на похоронах Константина Устиновича или на этот раз сумеет сдержаться? Я был уверен, что слезу все-таки пустит. Но он сдержался, не заплакал. А под конец даже улыбнулся. Вот так мы провожали эпоху...

– Смешно, – согласился Дронго. – И вы не подозреваете никого из вашей шестерки?

– Нет, конечно. Кого я могу подозревать? У Старовских их клиника была смыслом существования и единственным источником доходов. У них двое внуков, нужно их поднимать. Фазиль безумно любил своего сына, как и Делия Максарева – своего. Эти трое просто автоматически отпадают. Остаемся мы трое – Боря Райхман, Андрей Охманович и я. Но это тоже глупо. Получается, что Боря сознательно разорился и сделал так, чтобы от него ушла супруга, Андрей нарочно уволился, а я сам подстроил свое фиаско в покупке этой земли. Тогда выходит, что один из нас законченный идиот?

– Я этого не говорил. Просто спросил.

– Да, понимаю. Но я вам ответил.

– Вы не совсем меня поняли. Кто-то должен был знать вас, всех шестерых. Знать о вашей дружбе, о ваших отношениях, о ваших связях. Возможно, этот человек был рядом с вами. Как,

например, бывший муж Делии Максаревой. Вдруг он решил начать мстить столь необычным способом?

– Только не он, – убежденно проговорил Кродерс. – Он сейчас, кажется, работает где-то за Уралом, достаточно далеко... Нет, я вспомнил: режиссер в Астане. Решил попробовать себя в Казахстане, думает, что сумеет там пробиться. Хотя ему уже за пятьдесят. Если человек не сумел состояться до пятидесяти, вряд ли он состоится позже...

– Согласен. Но учтите, что нереализованная творческая потенция – страшная сила. Гитлер был неудачливым художником, а Сталин – неудачливым поэтом...

– Я думаю, что в нашем окружении таких чудовищ не было, – снова улыбнулся Кродерс.

– Боюсь, что были, – неожиданно возразил Дронго. – Судя по нашему разговору с Юрисом Рукмансом и по тому, что вы нам рассказали об этой сделке, кто-то сознательно и очень целенаправленно позаботился о том, чтобы создать вам кучу неприятностей, причем за свой счет. Достаточно необычное дело. Я думаю, что мы с Эдгаром сначала полетим в Германию, а потом вернемся в Москву и постараемся узнать, что именно происходит. Возможно, нам удастся разгадать эту загадку.

– Надеюсь, что удастся, – заметил Кродерс, – и мы хотя бы поймем причину всего происходящего.

Глава 4

В три часа дня рейсом «Люфтганзы» они прилетели во Франкфурт и почти сразу пересели на другой самолет, вылетающий в Дюссельдорф. А уже оттуда на поезде добрались в Дуйсбург. На часах было около семи, когда они прибыли в город. Разместившись в отеле, решили сразу выйти на Звирбулиса.

– Может, лучше позвонить мне и попытаться поговорить с ним по-латышски? – предложил Эдгар.

– Нет, – возразил Дронго, – лучше по-русски. В таком случае он как минимум заинтересуется нашим звонком и возможным предложением. И обязательно захочет встретиться.

Он набрал номер телефона, который ему дали в Риге, и услышал характерный голос с латышским акцентом.

– Добрый вечер, – начал эксперт, – я говорю с господином Звирбулисом?

– Да, – ответил адвокат. – А с кем я разговариваю?

– Меня просили передать вам привет из Москвы.

– Спасибо. От кого?

– Вы сами знаете.

– Но мне казалось, что мы уже закончили наши дела... – недовольно произнес Звирбулис.

– Не совсем. Я хотел бы с вами встретиться.

– Зачем? Почему? Я не понимаю, зачем вы приехали и как нашли мой номер телефона?

Мы ведь договаривались, что все закончится в Риге.

– Возникли новые обстоятельства.

– Какие обстоятельства? – окончательно возмутился Звирбулис. – Скажите, кто вас прислал и почему вы хотите со мной встретиться?

– Я не стану говорить фамилии по телефону, – вывернулся Дронго.

– В таком случае встречи не будет. Если вы приехали сюда, чтобы ликвидировать меня, то учтите, что у вас ничего не получится. Я подробно обо всем написал и сдал конверт в немецкий банк. Если со мной что-то случится, эти записи будут переданы в полицию, и там сумеют вычислить тех, кто меня ликвидировал.

– Не нужно пугаться раньше времени, – посоветовал Дронго. – Будет лучше, если вы со мной встретитесь. У меня к вам очень неплохое денежное предложение. Сможете заработать деньги.

Звирбулис молчал.

– Алло, вы меня слышите? – спросил Дронго.

– Слышу, – глухо отозвался адвокат, – я готов с вами встретиться. Но учтите: если это ловушка, я уже принял меры...

– Вы об этом уже говорили.

– Когда вы хотите увидеться?

– Желательно сегодня, я в Дуйсбурге.

– Тогда через час в парке Иммануила Канта. Как мне вас узнать?

– Высокого роста, в темном плаще, – сообщил Дронго. – Где мне вас ждать?

– У газетного киоска, с правой стороны. Ровно через час. Успеете?

– Постараюсь. – Дронго положил трубку и взглянул на Вейдеманиса.

– Неплохо, – кивнул Эдгар, – но тебе нужно быть осторожнее. Судя по всему, этот прохода действительно замешан в каком-то грязном деле. Тебе придется блефовать до конца, и он может тебя раскрыть. Давай я пойду с тобой и попытаюсь тебе помочь в случае чего.

– Ты можешь его спугнуть, – возразил Дронго. – Не нужно, чтобы он видел тебя рядом со мной. Будет лучше, если ты не станешь к нам подходить. Следи на расстоянии.

– Так и сделаем, – согласился Эдгар.

Через час Дронго уже стоял у киоска в парке, ожидая появления бывшего адвоката. Звирбулис появился через пятнадцать минут. Возможно, он следил за незнакомцем, пытаясь понять, с кем именно придется иметь дело. Звирбулис оказался мужчиной неопределенного возраста, с вытянутой физиономией, напоминающей лисью морду, бегающими глазками, редкими светлыми волосами. Если внешность человека после сорока выдает его характер, то внешность бывшего адвоката Яана Звирбулиса как нельзя лучше характеризовала его душевные качества. Он был одет в полосатое полупальто и серые брюки. Подойдя к Дронго, несколько церемонно поклонился, но не стал протягивать руки, словно опасаясь подвоха, только поинтересовался:

– Это вы искали со мной встречи?

– Да, это я звонил вам, – подтвердил Дронго.

– Что вам от меня нужно?

– Вы хотите, чтобы мы разговаривали прямо здесь? Может, хотя бы присядем на скамейку?

– Давайте, – согласился адвокат. Он осмотрелся и, увидев свободную скамью недалеко от них, первым направился к ней. За ним пошел Дронго.

– Итак, что вам угодно? – начал Звирбулис.

– Мне угодно с вами побеседовать, – ответил Дронго, – и сразу хочу сделать вам предложение.

– Мне уже делали предложение, и, насколько помню, я выполнил все, о чем меня просили.

– Именно об этом я и хотел с вами переговорить.

– В каком смысле? Вас прислал Моисеев? Что еще ему нужно? Я сделал все, как мы договаривались.

– Обратите внимание, что не я первым назвал его фамилию.

– Но вы прилетели явно от него... Итак, что вам нужно?

– Насколько нам известно, вы переехали сюда на жительство и собираетесь открыть магазин. – Дронго понимал, что просто обязан блефовать до конца, иначе никакого разговора вообще не будет.

– Да, я его уже открыл. На Вольдемарштрассе, на другом берегу. Но пока никаких особых успехов у меня нет. Впрочем, раз вы смогли меня вычислить в Дуйсбурге и знаете о моем магазине, значит, осведомлены и о моих неудачах. К сожалению, в мире сейчас бушует экономический кризис и наш магазин явно не окупает вложенные в него деньги. А я вложил в него все, что у меня осталось, согласно нашему договору.

– Вы ведь отдали землю гораздо ниже ее себестоимости, – напомнил Дронго.

– Но это было ваше категорическое условие, – нахмурился Звирбулис. – Конечно, если бы у меня было время, я мог бы продать эту землю за гораздо большую цену или предложить ее другим конкурентам Кродерса. Хотя самым платежеспособным был Кродерс. Но вы сами поставили условие, чтобы он не смог купить землю. Я же рассказывал господину Моисееву, как отчаянно боролся за нее Кродерс...

– Вы получили семьсот тысяч, – продолжал свою игру Дронго.

– Да, все правильно. Получил от вас, как мы и договаривались, семьсот тысяч. И купил за шестьсот землю, чтобы потом отдать ее за бесценок. Вы так потребовали, и я так сделал. Не понимаю, какие еще могут быть ко мне вопросы?

– Вопросов много, – сказал Дронго. – Значит, вы получили семьсот тысяч на покупку земли, потратили шестьсот и снова получили четверть миллиона. Итого, триста пятьдесят тысяч долларов, которые остались после этой операции.

– Но вы же знаете, что я вернул вам сто пятьдесят. Мне осталось только двести, как мы и договаривались, – напомнил Звирбулис.

– Моисеев оказался мошенником, – неожиданно заявил Дронго. – Мы договаривались с ним совсем на иных условиях. Вы должны были получить не двести, а четыреста тысяч.

– Не может быть, – растерялся Звирбулис, – не может быть! Мы же оформили все договоры на эту сумму. Мне выделяли кредит на семьсот тысяч с тем условием, что после операции, как бы она ни завершилась, я оставлю себе двести и переведу вам оставшуюся часть суммы. Какой мошенник! Я с самого начала в нем сомневался.

– Да, он оказался мошенником, – подтвердил Дронго.

– А я пытался до него потом дозвониться, но телефон уже не работал.

– Я знаю. Вы ведь звонили по номеру телефона, – и Дронго назвал номер Бочкарева, понимая, как он рискует.

Но Звирбулис кивнул головой и, кажется, окончательно поверил эксперту.

– Значит, он все-таки меня обманул. – Кажется, потерянные деньги взволновали его больше всего, ни о чем другом он уж не думал.

– Мы собираемся вернуть вам деньги, – продолжал Дронго, – ведь вы недополучили двести тысяч долларов. А так прекрасно справились с порученным вам делом...

– Когда вы хотите перевести мне эту сумму? – обрадовался Звирбулис. Услышав номер телефона, он уже не сомневался в посланце, и его беспокоили только деньги.

– Как только найдем Моисеева, – сообщил Дронго. – Для начала мы выплатим вам аванс на следующей неделе, если вы дадите номер своего счета.

– Конечно, дам, – согласился Звирбулис. – Во французском банке я счет давно закрыл, но у меня есть счета в двух немецких банках.

– Очень хорошо. А теперь давайте вернемся к вашему разговору с Моисеевым. Как он на вас вышел?

– Он сам позвонил и предложил встретиться. Поначалу он произвел на меня очень неплохое впечатление, назначил встречу в отеле «Националь». Рассказал о своем плане. Я не понимал, зачем все это нужно, и сейчас не совсем понимаю. Но потом осознал, что кому-то хочется наступить на мозоль Петеру Кродерсу моими руками, и, естественно, согласился. Остальное вы знаете. Мне перевели семьсот тысяч, я оформил новую фирму, купил землю за шестьсот, продал ее конкурентам Кродерса за двести пятьдесят и сто пятьдесят вернул вам, как мы и договаривались с Моисеевым. А оказывается, он меня обманул и мне должно было остаться четыреста. Ну и жулик! Сейчас время такое, что никому нельзя доверять.

– А почему вы решили сразу уехать из Риги? – спросил Дронго.

– Это же входило в ваши условия, – удивился Звирбулис, – чтобы я уехал из Риги на один год, иначе вы отказывались платить деньги. – На этот раз он с явным подозрением посмотрел на своего собеседника.

– Это придумал Моисеев, – пояснил Дронго, – мы не выдвигали подобных требований. Видимо, он с самого начала замысливал ваш отъезд, чтобы скрыть свои финансовые махинации.

– Какой мерзавец! – искренне воскликнул Звирбулис. – Он, видимо, все продумал с самого начала. Но знаете, мне показалось, что мы с ним коллеги. Во всяком случае, он использовал юридическую терминологию. Я думал, что он бывший адвокат или юрист.

– Что помогло ему обмануть вас, – произнес Дронго. – Мы примем меры и выплатим вам деньги, о которых я сказал, и вы можете спокойно вернуться в Ригу.

– Спасибо, – кивнул Звирбулис, – вы меня очень выручите.

– Вы не можете подсказать, где нам лучше искать Моисеева?

– Понятия не имею. Думаю, что вам нужно поискать его по прежнему месту работы. Я ведь знал только номер его телефона и в первое время считал, что это вообще розыгрыш, пока не получил семьсот тысяч долларов.

– Он ничего не говорил про Кродерса?

– Говорил, что я должен сделать все, чтобы Кродерс не получил эту землю. Это было главное условие.

– Ну, это я знаю. – Дронго взглянул на часы. Он видел, как сидевший недалеко от них Вейдеманис все время смотрит в их сторону. Нужно было рискнуть и задать самый главный вопрос.

– Как представлялся Моисеев? – спросил Дронго.

– А разве вы сами не знаете? – нахмурился Звирбулис.

– Знаю. Но хочу услышать от вас.

– Николаем Алексеевичем, – ответил Звирбулис. – Неужели и здесь он мне лгал?

– Нет, тут он говорил правду.

– Я так и думал.

– До свидания, господин Звирбулис. – Дронго поднялся со скамьи и быстро засунул руки в карман своего плаща, чтобы не протягивать руку этому неприятному типу.

– До свидания, – вскочил бывший адвокат. – А когда вы переведете деньги?

– На следующей неделе, – успокоил его Дронго. – Вам позвонят, и вы сообщите номер счета, куда следует их перевести.

– Я буду ждать вашего звонка, – заискивающе улыбнулся Звирбулис.

Дронго повернулся и пошел по аллее. Со своей скамьи поднялся Вейдеманис. Дронго знал, что его напарник не последует за ним, а постарается проследить, куда отправится Звирбулис после этого разговора.

Через час Вейдеманис приехал в отель.

– Он ни с кем не встречался, – сообщил он, – и никому не звонил. Сразу отправился к себе домой на Андреаштрассе. Но был явно в подавленном настроении. Что ты ему сказал?

– Чем можно взволновать такого проходимца и мошенника? Я сообщил ему, что он недополучил деньги. Представляешь, как его взволновало это известие? Он сейчас думает только об этих деньгах.

– Не представляю, как он на это купился, – признался Вейдеманис.

– Я назвал ему номер телефона, по которому он звонил, и он сразу мне поверил. А когда я сказал ему про деньги, он уже больше ни о чем не думал.

– Значит, все подтвердилось?

– Как это ни невероятно звучит, но да. Некий Николай Алексеевич Моисеев, телефон которого был почему-то зарегистрирован на имя Бочкарева, вызывает в Москву Звирбулиса и делает ему царское предложение. Звирбулис создает новую фирму, перекупает землю у Кродерса и затем отдает ее по дешевке конкурентам. На всю операцию выделяется семьсот тысяч долларов, причем двести тысяч – это бонус самого Звирбулиса. А деньги ему выделяют с условием, чтобы он на год покинул Латвию. Вот такая невероятная история. Получается, что все опасения Симаниса и Кродерса подтвердились. Кто-то сознательно выделил огромные деньги только для того, чтобы помешать Кродерсу купить эту землю и разорить его как бизнесмена.

– И единственной ниточкой был номер телефона Моисеева-Бочкарева, который замолчал навсегда, – понял Вейдеманис.

– Видимо, да. Но сначала нужно узнать, кто такой Бочкарев и кто такой Моисеев. Нужно будет все проверить в Москве.

– Когда уезжаем?

– Завтра утром. Нам вообще лучше здесь не задерживаться. Звирбулис будет ждать, когда ему переведут оставшиеся деньги, и довольно быстро поймет, что и второй приехавший посланец оказался жуликом. Это я сейчас про себя.

– Ты не жулик, а гений сыска, – пошутил Эдгар, – теперь я в этом уверен. Так быстро раскрутить этого проходимца... Ты здорово блефуешь. Хорошо, что мы играем с тобой только в шахматы, в покер ты бы меня наверняка обыгрывал.

– Я не очень люблю играть в азартные игры, – признался Дронго, – а вот шахматы доставляют удовольствие. Правда, мне нужно еще подтянуть свой уровень, чтобы сводить наши партии хотя бы к ничьим.

Он набрал номер Гирта Симаниса и, услышав его голос, сразу сказал:

– Господин Симанис, к сожалению, ваши опасения оказались более чем обоснованны. Завтра утром мы вылетаем в Москву. Звирбулис признался, что получил большую сумму денег только для того, чтобы помешать вашему родственнику купить эту землю.

– Вы смогли его уговорить рассказать вам правду? – не поверил Симанис.

– Да. Он сообщил, что встречался с каким-то Николаем Алексеевичем Моисеевым. Вам это имя что-нибудь говорит?

– Нет, ничего. Впервые слышу.

– Я так и думал. Этот человек пригласил Звирбулиса в Москву и предложил ему создать фирму для победы на аукционе с единственной целью – не допустить, чтобы земля попала к вашему двоюродному брату.

– Что мы сделали этому Моисееву?

– Думаю, что он тоже был подставным лицом. Во всяком случае, это явно не его собственная инициатива.

– Черт возьми! – вырвалось у Гирта. – Но почему?

– Найдя ответ на этот вопрос, мы поймем, почему вообще все это затевалось.

– Да, конечно. Я все понимаю. Сегодня Петера еще нет в Риге, но я обязательно найду его и расскажу о вашем разговоре со Звирбулисом.

– Сделайте так, чтобы вас никто не слышал, – порекомендовал Дронго.

– Обязательно, – заверил его Гирт Симанис.

Дронго попрощался и отключился. Утром следующего дня они с Эдгаром вылетели в Москву.

Глава 5

Прибыв утренним рейсом в Москву, сразу решили перезвонить Старовским. Петер Кродерс дал номера мобильных всех своих друзей, и они для начала выбрали супругов, с которых, по мнению Кродерса, все и началось. На телефонный звонок ответил Илья Старовский.

– Добрый день, – начал Дронго. – Простите, что беспокою, но я действую по поручению вашего друга Петера Кродерса.

– Да, я знаю, – ответил Старовский, – нам уже позвонил Петер и сказал, что нашел лучшего сыщика для расследования наших дел. Кажется, вас зовут Дранко?

– Дронго, так меня обычно называют.

– Извините, – пробормотал Старовский, – но я не совсем понимаю, чем именно нам может помочь сыщик, даже очень талантливый. Не хочу вас обидеть, но мне кажется, что это типично рейдерский захват, который сейчас практикуется в нашем городе и вообще в нашей стране.

– Мы хотели бы с вами встретиться, – попросил Дронго.

– Приезжайте, – согласился Старовский. – Если вы считаете, что сможете нам помочь, то вам и карты в руки. Хотя, повторяю, все достаточно печально...

– Куда нам приехать?

– В наш бывший офис не получится, он опечатан. Давайте прямо к нам домой, на Люблинскую улицу. Или, если вам неудобно, мы можем приехать, куда вы скажете.

– Нет, нам удобно. Я буду со своим напарником. Если мы вас не побеспокоим, будет лучше, если мы встретимся прямо у вас дома, чтобы не особенно афишировать наши отношения.

– Да, это правильно, – согласился Старовский. – В таком случае приезжайте к нам. Мы живем на первом этаже в четвертом блоке. У нас две спаренные квартиры. Как приедете, наберите мой номер телефона, и я выйду к вам, чтобы открыть дверь.

– Договорились.

Дронго положил трубку и посмотрел на Вейдеманиса:

– Они будут нас ждать. Позвони Леониду Кружкову и попроси, чтобы он проверил по своим каналам, кто такой этот Бочкарев, с которым разговаривал Звирбулис.

– Если у него получится, – предостерег Эдгар. – У нас однажды будут очень крупные неприятности за тесные контакты с телефонными компаниями, когда мы пытаемся пробить чей-то номер и узнать, на кого именно он зарегистрирован.

– Мы их еще ни разу не подвели, – напомнил Дронго. – Ведь это делается в поисках истины, а не для собственного развлечения.

– Ты еще скажи «в поисках справедливости», – ворчливо заметил Вейдеманис. – И не забывай, сколько мы платим операторам, которые на нас работают. Никого не волнует ни наша справедливость, ни наша защита добрых дел. Мы платим деньги – нам дают информацию. Пойди в телефонную компанию и расскажи им, что ты известный эксперт, который ловит преступников. И пусть они дадут тебе хоть какую-то информацию бесплатно, во имя той самой справедливости. Они просто рассмеются тебе в лицо.

– Ты стареешь и становишься меланхоликом, – пошутил Дронго.

– А ты стареешь и остаешься неисправимым романтическим оптимистом, – парировал Эдгар. – Ладно, позвоню Кружкову. Пусть едет к операторам этой телефонной компании, платит им деньги и получает все сведения на Бочкарева.

Примерно через полтора часа они были уже на Люблинской улице. Дронго позвонил Старовскому, и тот быстро вышел к ним. Это был мужчина лет пятидесяти пяти, с густыми седыми волосами, кряжистый, широкоплечий, с круглым лицом и светлыми глазами. Он энергично

потряс руку прибывшим, приглашая их в квартиру. В просторной гостиной к ним вышла женщина, очевидно его супруга. Она протянула руку и представилась Ольгой.

– Меня обычно называют Дронго, а это мой друг и напарник Эдгар Вейдеманис, – проговорил эксперт.

Ей было около пятидесяти. Довольно полная, она с трудом передвигалась – видимо, у нее болели ноги. Хозяйка пригласила всех разместиться на диване, тут в комнату вошла какая-то молодая женщина и спросила, что принести гостям.

– Спасибо, ничего, – вежливо ответил Дронго.

– Принеси нам чаю, Лидочка, – попросила Ольга Старовская. – Это наша невестка, – пояснила она, когда женщина ушла на кухню. – Наш сын военный, он сейчас в командировке, а Лида с ребятами живут у нас.

– Сколько лет вы были владельцами клиники? – поинтересовался Дронго.

– Почти десять лет, – помрачнел Старовский. – Мы так привыкли к тому, что она существует, что даже сейчас удивляемся, почему приходится сидеть дома и никуда не торопиться.

– Клиника была большой?

– Двадцать восемь человек, из которых почти половина – врачи, – пояснил Старовский. – Я ведь тоже врач по образованию, правда, в советское время попал в райздрав и пошел по административной линии, к моему большому сожалению. Ну, и потом работал больше администратором, чем врачом. В середине девяностых попытался с друзьями начать поставки необходимых лекарственных препаратов из Индии, но грянул дефолт, и мы фактически разорились. Пришлось все начинать с нуля. Кто-то ушел, кто-то не поверил, а мы с Олей продали нашу квартиру и дачу и вложили все деньги в клинику, которую открыли в первом году. Помните, какое это было время? Цены на нефть начали расти бешеными темпами, росла и средняя зарплата людей; установилась некая стабильность, люди почувствовали себя увереннее, стали больше думать о своем здоровье. И наша клиника начала работать. Потом к нам пришло несколько превосходных специалистов. Мы ведь не сэкономили ни на зарплате, ни на оборудовании. Уже через четыре года купили здесь квартиру. Через какое-то время появилась возможность переехать, но мы решили вкладывать деньги в развитие клиники и, купив вторую квартиру по соседству с первой, объединили их. Нам здесь удобно. И работа шла достаточно неплохо. Исправно платили все налоги. Но шесть месяцев назад начались проблемы...

– Какие проблемы?

– Сначала с арендой помещений. У нас был договор на пять лет, который мы автоматически продлили в шестом году. Но в начале этого года собственник здания заявил, что повышает цену почти в два раза. Это было несерьезно, так как таких цен в нашем районе просто не существует. Целый месяц мы пытались с ними договориться и с огромным трудом вышли на какую-то приемлемую цену. Тут появилась налоговая полиция и сразу нашла у нас несколько нарушений. Я все еще не связывал эти события. А потом меня позвали в кабинет к очень ответственному чиновнику мэрии, который, улыбаясь, пояснил мне, что мы уже давно работаем и ничего никому не платим. Я сказал, что не плачу бандитам, что меня никто не «крышует». Он долго смеялся, а потом сказал: либо я заплачу деньги, либо клинику у меня просто отнимут. И назвал сумму... Она была невероятная, грабительская, несуразная. Ну, тогда я ему высказал все, что о нем думаю, и ушел. Я еще верил в какую-то справедливость. Но уже через несколько дней пришло постановление о закрытии нашей клиники... – Старовский тяжело вздохнул.

– Не волнуйся, – попросила супруга, – у тебя давление.

Невестка внесла поднос с чаем и конфетами, расставила чашки на столике и быстро вышла.

– Что было потом? – спросил Дронго.

– Потом клинику закрыли. Люди сидели без зарплаты, трое врачей решили уйти. И тогда я набрался смелости пойти на прием к заместителю министра Гурьянову, с которым был давно

знаком. Он казался мне человеком достаточно порядочным и надежным. Я все ему рассказал. Он очень возмутился и пообещал, что разберется. Действительно, через неделю пришло разрешение возобновить работу клиники. Это была такая радость! Я поехал к Гурьянову, долго его благодарил. Все-таки человек сделал такое дело, бескорыстно помог...

– Расскажи про часы, – подсказала супруга.

– Не нужно, – поморщился Старовский.

– Расскажи, – настойчиво повторила она.

– В общем, я решил поблагодарить Гурьянова и отнес ему небольшой подарок. Купил часы...

– Очень дорогие часы, – не выдержала Ольга.

– Дорогие, – подтвердил Старовский, – «Картье», за тридцать тысяч евро. Я подумал, что он поступил благородно и ничего взамен не попросил. Он никак не хотел их брать, даже накричал на меня. Я еле уговорил его принять подарок.

– Что было дальше?

– Потом мы нормально проработали еще несколько месяцев, даже сумели договориться с владельцем нашего дома об аренде еще на пять лет. Но неожиданно он заявил, что хочет пересмотреть договор аренды. Затем опять появилась налоговая, а вслед пришло письмо о закрытии нашей клиники. За подписью самого Гурьянова. Вот такие дела. Теперь я пытаюсь добиться разрешения в рамках закона, но районный суд уже отклонил мое исковое заявление, подтвердив, что решение о закрытии клиники было обоснованным, хотя все понимают, что нет ни одной причины для закрытия нашей клиники. Ни единой. Сейчас мы подали в Мосгорсуд апелляцию на решение районного суда.

– Кто ваш адвокат?

– Ростислав Андреевич Благовещенский.

– Что он вам говорит? Каковы шансы на успех?

– Говорит, не очень, – честно признался Старовский.

– Тоже мне адвокат, – вмешалась Ольга, – еще ничего не известно, а он уже заранее считает дело проигранным.

– Он не понимает, почему районный суд принял решение не в нашу пользу, тем более что истец, от лица которого якобы было подано заявление, даже не появился в суде.

– Вы можете дать телефоны вашего адвоката?

– Конечно.

– Вы знаете Николая Алексеевича Моисеева? Может, слышали о таком человеке?

– Нет, не слышали и не знаем.

– А Бочкарева?

– Тоже не знаем. Хотя нет, у нас в клинике работал водителем Бочкарев Петя, но он ушел от нас еще лет десять назад. Кажется, переехал куда-то к себе, в Нижний Новгород.

– Нет, это должен быть Бочкарев Василий Павлович.

Дронго переглянулся с Вейдеманисом.

– Сколько месяцев прошло после первых неприятностей с вашей клиникой? – уточнил он.

– Примерно полгода. Я вообще не понимаю, что происходит. Такое ощущение, что они просто проснулись и снова решили «прессовать» нас по новой.

– Вы пытались еще раз поговорить с Гурьяновым?

– Конечно, пытался. Раз десять. Звонил, просился на прием, дежурил у здания министерства. Наконец сумел его поймать. Он холодно пояснил мне, что решение было правильным и он ничего не сможет сделать. Такое ощущение, что передо мной стоял совсем другой человек. Он все время отводил глаза, как нашкодивший школьник. Я ничего не мог понять.

– Насколько я знаю, неприятности были не только у вас, но и у других ваших друзей?

Старовский тяжело вздохнул и посмотрел на супругу. Она решила, что пришло время самой все рассказать:

– У них не неприятности, у них трагедии. У одного погиб сын, у другой сына посадили. Там все гораздо страшнее. А у Петера просто перекупили землю, которую он хотел приобрести для своего бизнеса. Это не так уж и страшно. Андрюшу Охмановича с работы выгнали, тоже можно пережить. Хотя Боре достаточно тяжело. В общем, мы не понимаем, что с нами происходит.

– И вы считаете, что это кто-то сознательно делает? – уточнил Дронго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.